

Химия чувств

Столярова Ю.А.

16+

Юлия Александровна Столярова

Химия чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63453586

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99658-8

Аннотация

Скорую свадьбу с парнем красавчиком ничего не может испортить. Совершенно ничего! Пусть он хочет, чтоб я бросила работу и занималась домом, магазинами, салонами и прочей чепухой. Я и сама устала от рутинной работы с бумагами, вместо пар приходится заниматься всем, чем по сути не должна. И вот за месяц до моего увольнения нашелся какой-то высокомерный хлыщ, пришедший на мое тепленькое местечко. Умненький весь такой, холеный, нос к небу задран, а меня передергивает от него. Вот, глаз начал дергаться на фоне этого гада!

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	18
5	22
6	27
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Столярова

Химия чувств

1

Родители во всю готовятся к моей скорой свадьбе. Через полтора месяца я стану замужней дамой, которой не надо будет работать, потому что муж молодой, красивый, успешный бизнесмен. А пока иду в самый пакостный и холодный день в родной универ на пары перваков. Октябрь выдался холодным, ветреным и мокрым. Самое противное, что живу на другом конце города и добираться до работы приходится чуть ли не больше часа. Пять лет я работаю в этом университете, веду неорганику у профильников и студентов других факультетов, попутно занимаясь школьниками. Нервы просто не к черту последнее время, на кафедре завалили бумажной работой, а мама настаивала на нашей свадьбе с Гришенькой. Вот, наконец, мы решились, спустя три года сладких, беспроблемных отношений. Учитывая, что я человек практичный, решила, что Гриша прекрасный партнер для брака. Надежный, бесконфликтный, богатый и влюбленный в меня.

В голове сплошной кавардак! Забегаю в универ, стращивая с зонтика капли дождя, замешкалась всего на секунду, а получила в спину со всей дури входной тяжелой деревян-

ной дверью. Не чувствуя земли под ногами, лечу носом в старый пол родного универа. Стоило мне приземлиться на четвереньки, услышала напускное и самодовольное заявление толкнувшего меня дверью:

– Вы всегда тормозите?

Если мое лицо не столкнулось с полом университета, то челюсть сейчас точно там лежала, прямо у черных лакированных остроносых туфель незнакомца. Поднимаю злые глаза на этого нахала, мечтая, чтоб он оказался моим студентом и я смогла испортить ему жизнь! Вот последние мои полтора месяца и будут ему адом! Но все мечты быстро разбились об увиденное зрелище. На первака этот гад не тянет, мужик в приличном дорогом черном костюме, при галстукe и в белоснежной рубашке, с небольшой аккуратной козлиной черной такой бородкой, подбородок упрямый, огромный, на щеках слой недельной щетины. Мерзость какая, его девушка точно садистка и любит наждачку по лицу. Подняла глаза к прямому гордому носу, карим смеющимся глазам. Сразу по ним отметила для себя, что он нахал и самоуверенный гад. Не бывает у честных людей таких красивых притягательных глаз, от которых даже не оторваться. Вспомнила про слова, что сказал мне этот напыщенный гад, поднялась с гордо поднятой головой с четверенек, закинула сумочку, которой можно убить, на плечо и проговорила сухо:

– Сам ты тормоз! Смотреть по сторонам хоть иногда надо! Наверное, залюбовался собственным отражением в зеркале

и не удостоился снизойти до простой осторожности!

Минуты две я любовалась перекошенным гневом лицом этого хлыща, испытывая блаженство и неопишуемое удовольствие. Однако, все приятное имеет свойство быстро кончаться. Вот и этот гад нашел, что сказать:

– Я не намереваюсь продолжать разговор с психически неуравновешенной женщиной!

– Что? – успела лишь вымолвить я, опешив от такого заявления. В конце-то концов, где уважение к месту, он находится в храме наук! Хлыщ уже не слышал меня, потому что сразу же после сказанной фразы развернулся на сто восемьдесят градусов и ушел с гордо поднятой головой в сторону ректорской.

Через несколько минут раздается звонок на мобильный от начальника, то есть ректора. Он еще неделю назад получил от меня заявление на увольнение по собственному желанию, попросил проработать еще месяц, пока ищет мне замену. Сейчас просит зайти к нему в кабинет, наверное, нашел кого-то.

Спускаюсь в раздевалку, скидываю пыльное пальто, которое испачкалось из-за какого-то мерзкого хлыща и стало вместо белого пятнистым серым. Повесила на плечо сумку и уверенным шагом направилась в кабинет ректора. Секретарь радостно сообщила, что начальник на месте и в хорошем настроении. Вот так удача! Захожу уверенной походкой в кабинет начальника и замираю от шока. Напротив ректо-

ра восседает этот самый хлыщ с самодовольной ухмылочкой. По-моему, с его губ она вообще не слзлит!

– Марина Игоревна, знакомьтесь, Дмитрий Игоревич Васнецов, он пришел на ваше место. За текущий месяц введите, пожалуйста, его в курс дела и познакомьте со студентами и кафедрой, – контрольный в голову от начальства. Пока я перевариваю эту информацию, нахал встает со своего места и протягивает мне руку, потом, видимо, вспоминает, что минутоу назад я обнималась по его вине с полом, и прячет свои ручонки в передние карманы джинс.

– Он? – пискляво вырывается у меня, смотрю на ректора в надежде, что это шутка, но нет. Не шутка. Герман Александрович недовольно смотрит на хлыща, но молчит, а тот в свою очередь выдает самоуверенно:

– Да, я!

Дмитрий Игоревич, теска по отчеству, значит, ну я введу тебя в курс дела, в век не забудешь! Ректор просит гада выйти на некоторое время и дождаться меня в коридоре. Мы остаемся наедине и он произносит:

– Марина, очень прошу, присмотри за ним. Дмитрий какой-то дальний брат моей супруги. Она очень переживает за него, а тут оказалось, что он твой коллега и может поработать под моим контролем. Я сам не люблю, когда работа смешивается с семейными делами, но парень хороший и немного сбился с пути истинного.

За закрытыми дверьми мы могли спокойно говорить с на-

чальником на ты, он был хорошим и чутким к проблемам своих подчиненных, поэтому отказать ему оказалось сложно. Только теперь стало ясно каким местом Дмитрий Игоревич выбил себе место в нашем универе. Сбился с пути? Настроим ему компас как следует и исправим излишнюю самоуверенность и самонадеянность, или я буду не я!

2

Выхожу из кабинета ректора с поднятым к небу носом, показывая хлыщу Игоревичу, что не намерена с ним сюсюкаться. Не обращая внимания на мужчину, иду на кафедру, хотя спиной чувствую этот напыщенный, самоуверенный взгляд. В коридоре встречаю нашего профсоюзного секретаря Ларису Андреевну, по совместительству заведующая кафедры химии и декан факультета, которая своим тоненьким головочком сообщает об очередных поборках:

– Мариночка, здравствуй! У нас Мария Семеновна хоронит кота, надо сдать пятьсот рублей, а Зинаида Петровна снова потеряла мужа – тысяча.

– Какого по счету? – удивилась и растерялась я, что даже остановилась резко. Хлыщ Игоревич врезался мне в спину, прислушиваясь к нашему разговору. Благо я устояла в этот раз на ногах, правда, не без помощи гада, лапающего меня своими мерзкими ручищами за талию. Лариса Андреевна поправила свои очки на переносице, словно в бинокль хочет рассмотреть руки мужика на моей талии. Я быстро скинула лапы Дмитриевича со своей собственности, а деканша с укором ответила на уже забытый мной и мной же заданный вопрос:

– Кот первый, Мариночка.

– Я не про кота спрашивала, а про мужа Зинаиды Пет-

ровны. В ее возрасте пора бы уже завязать с замужествами, а то скоро ей будем на похороны собираться, – ответила я деканше, Дмитриевич хохотнул в голос, Лариса Андреевна обиделась на мою фразу и скривила мордашку так, что стала похожа на мопса, но потрудилась меня отчитать:

– У Зинаиды Петровны всего пятый брак! Любви все возрасты покорны, Мариночка! Вам ли не знать. В рабочее время разгуливаете по кафедре с женихом!

– Да что вы такое говорите! – резко возмутилась я, а Лариса Андреевна стала покрываться пятнами, готовясь к очередному отпору и думая о том, что я снова возмущаюсь по поводу многочисленного замужества и по совместительству вдовства нашей восьмидесятилетней коллеги, – Он, – я тыкнула в грудь Дмитриевича, – Не мой жених!

– А почему посторонние на кафедре? – заголосила, как пожарная сирена деканша, у меня уши заложило от ее "приятного" голосочка. Все время удивляло, как стеклянные рамки на портретах заслуженных работников науки не потрескались от такого ультразвука.

– Ларисочка Андреевна, я через месяц увольняюсь, заявление подписано ректором, а этот, – я брезгливо посмотрела в сторону хлыща, – Пришел на мое место. Вот он пусть и платит по двойному тарифу!

Деканша сразу же оживилась то ли оттого, что перед ней свеженький коллега то ли от того, что он платит по двойному тарифу. Но знакомство прошло более чем успешно, как

по мне. Тысячу пятьсот сэкономила. Ой, а сколько еще сэкономлю, благодаря Дмитриевичу! На свадебное платье хватит с лихвой! Хлыщ оказался в цепких лапах кракена – так звали деканшу студенты, что ей очень соответствовало. Я преспокойненько пошла в аудиторию к своим первакам химикам. Ребята были ленивые, но способные. Больше всего мы дружили с юным дарованием Ромкой Соловьевым. Наше первое знакомство закончилось его подложенной иголкой мне на стул в его же пятой точке. Ни в коем случае я не занимаюсь членовредительством или студентовредительством, ну или все вместе. Просто парень очень сильно настаивал на том, чтоб я села на свой стул, вот мы с ним и поспорили, что он сядет на него первым. Ну не дура же я, чтоб не заметить толстой иголки в своем стуле.

– Здравствуйте, уважаемые студенты, – сказала я дежурную фразу, ребята встали, поздоровались и сели. Осмотрела внимательно аудиторию и выделила взглядом своего любимчика в кавычках, – Студент Соловьев, помогите мне, пожалуйста, подготовить аудиторию к опытам.

Ромка встал с недовольной миной, снова кутил всю ночь, и виляя из стороны в сторону пилотировал в лаборантскую. Я захлопнула с шумом дверь, разбила под ногами студента пробирку, Соловьев испуганно вытаращил на меня глаза.

– Соловьев, тут один типчик пришел мне на замену, ты должен ему потрепать нервы, – говорила я строгим, но тихим голосом, а громко проговорила, – Соловьев, вы хоть по-

нимаєте, что этой посуде лет больше, чем вам! Где бережное отношение к имуществу университета!

– Какой типчик? Какое имущество? Вы ж сами все разбили только что! – возмутился, ничего не понимая, студент. Нет, так дело не пойдет!

– Соловьев! Слушай сюда, – подошла я вплотную к офиговающему студенту, – Если ты потрепишь нервы, чуть-чуть так, – выразительно показываю очень много на пальцах, может, хоть так поймет, чего я хочу, – Дмитрию Игоревичу, который пары у вас теперь вести будет, я зачту тебе реферат и прощу разбитую тобой пробирочку!

– Так, стоп! – наконец, «включился» студент, – Если он будет у нас теперь вести пары, как вы зачтете мне реферат!

– Ваша группа еще месяц на мне будет закреплена, – сообщила я будничным тоном.

– А какая мне нафиг разница, он же сессию будет принимать, не вы, – как-то слишком сильно он «включился», надо бы немного поубавить мощность мозговой деятельности.

– Соловьев, до сессии еще дожить надо! А военкомат, как раз объявит набор нерадивых студентов со дня на день, – осадила я Ромку. Тот заметно сник, нехотя кивнул, взял реактивы со стола и вышел в аудиторию к одноклассникам. Мысленно потирая ладоши, стала думать, как еще облегчить жизнь коллеге.

3

Иду по коридорам университета после пары, удивляясь, что самодовольный хлыщ куда-то делся. Надеяться на радостную мысль о том, что он струсил и сбежал от щупальцев кракена, было слишком самонадеянно, поэтому решила убедиться, направившись в деканат. И что вы думаете? Сидит себе, улыбается напротив деканши, строит ей глазки, попиывает, причмокивая чаек деканши с чабрецом и конфеткой, и вызывает информацию:

– А почему эта женщина уходит, на место которой я пришел, может, не все так радужно в университете и есть что-то, о чем я должен знать?

Опешив от таких заявлений и вопросов, касающихся моей личности, я откашлялась, пытаюсь привлечь внимание. Однако, сладкая парочка была слишком занята друг другом, новый любимчик деканши, пронеслась шальная мысль, довершила ее другая – он не так прост, как кажется! Лариса Андреевна, подтверждая статус первой сплетницы на этаже, заговорщицки проговорила:

– Дело в том, что Мариночка выходит замуж. Не всем нам повезло с такими богатыми женихами, которые готовы содержать свою супругу. Но вы не подумайте, у нас очень, ну очень, – слабо верится, – Дружный коллектив.

– Лариса Андреевна! – крикнула громко я, в очередной

раз пытаюсь привлечь внимание нового кадра универа и старого декана. Они недовольно воззрились вместе на меня, натянула дежурную улыбку и спросила, – Как вы думаете, когда Дмитрий Игоревич сможет приступить к проведению пар у студентов?

– Я думаю, что завтра, Мариночка, – улыбнулась новому кадру деканша белозубой улыбкой, я отметила для себя, что золотой зуб, который стал достоянием общественности несколько месяцев назад, куда-то подевался из пасти кракена, – Человек получил итак много ценной информации, ведь так, Димочка?

Меня сейчас передернуло, Димочка, фу! Интересно, через сколько месяцев кафедра будет собирать средства на похороны мужа деканши, которого она сожрет ради Димочки? Отогнала эту ненужную мысль, не мое это уже дело. Не получится выжить гада, хотя бы потреплю нервы за свою любимое белоснежное до сегодняшнего дня пальто!

– Отличная мысль, – ответила деканше с улыбкой и ушла прочь. Все пары прошли на одном дыхании, учитывая, что почти никто не мешал до последней пары. В середине занятия дверь распахнулась и явила на пороге, стоящих Ларису Андреевну с новым кадром. Дмитриевич выглядел как-то не очень, зеленый какой-то и помятый, словно и впрямь побывал в пасти у кракена, но следов морковного цвета помады я не наблюдала на нем, значит, конфеты мезозойской эры сделали свое дело и хлыщ проведет свой вечер в объ-

тиях фарфорового друга. Сдержав рвотные позывы, он поприветствовал студентов в аудитории и поспешил удалиться. Деканша улыбнулась ребятам и понеслась за новым кадром, стараясь не потерять столь ценного сотрудника. Надо было раньше думать, а не проверять стойкость его желудка древними мамонтовыми конфетами. В том году на них влетел у нас преподаватель с другой кафедры, решил сладенького съесть в компании кракена и слухи послушать, ну в итоге две недели на больничном. Довела пару и решила проведать Дмитриевича в мужском туалете, поделившись активированным углем. Смерти далекому родственнику ректора я не желала, потому смиловалась над хлыщем. Подхожу к дверям мужского туалета и слышу жалкое:

– Лариса Андреевна, со мной все хорошо, не переживайте.

Гоготнула в голос и снова постучала, дверь с шумом отворилась, зеленый, качающийся из стороны в сторону кадр уныло протянул:

– А, это ты.

Помочь ему шла, а теперь в туалете утопить хочу! Что значит, а, это ты? Он ждал еще кого-то с моей самаритянской душой, спешащего на помощь самодовольному гаду? Недовольно фыркнула и засунула в руку пачку активированного угля со словами:

– Не подавитесь!

В этот момент в коридоре раздался писклявый крик де-

канши, очевидно, она вызвала МЧС для спасения своего любимчика, потому что организовывала целую группу поддержки и спасения:

– Сюда, сюда! Скорее! Он же может умереть от обезвоживания!

Невольно хихикая, стою и смотрю на обезвоженное растение – кактус, готового вырвать только от одного голоса кракена. Дмитриевич зачем-то затаскивает меня в кабинку туалета и запирает дверь изнутри. Стоим мы прижатые друг к другу, он морщится от позывов тошноты, а я обалдеваю очередной наглостью хлыща.

– Таблетки съешьте, – шепотом приказываю Дмитриевичу, тот затыкает мне рот своей вонючей ладонью, потом спрашивает:

– Сколько?

Я пытаюсь промычать: «Что сколько?», но получается слабое подобие, набор звуков. Зная кракена, жертву свою она не оставит, выломает дверь, а тут мы уединились... «Здрате, Ларисочка!» – первое что приходит мне на ум, если придется выпутываться из неловкой ситуации. Тогда придется экстренно выходить замуж, потому что кракен сожрет меня в пятнистом пальто и не подавится. Дмитриевич одной рукой и зубами разрывает обертку и всю пачку проглатывает разом, не подавился ведь гад. Я стою с закрытым ртом его ладонью, впритык к вздымающейся груди мужчины. Операция по спасению нового кадра началась, раздалось в моей голове, сто-

ило услышать писклявое:

– Дмитрий Игоревич! Выходите, я вызвала врачей!

– Лариса Андреевна, со мной все хорошо, не переживайте! Я сейчас выйду и вы убедитесь в этом, – говорил хлыщ, словно полицейский в фильмах про заложников. Так отчетливо и прорисовывается в моем мозгу картинка, как кракен захватила мужской туалет и требует от Димыча самолет и билет на какой-то курорт, а он разъясняет ей, что с ним все в порядке. Наивный! Хлыщ показывает мне жестами, что сейчас выйдет к собравшемуся товарищам, а я должна стоять тут и ждать. Я киваю, только бы избавиться от этой противной ладони и его присутствия в столь неприятном месте. Он осторожно отнимает от моего лица руку, словно сапер, обезвреживающий мину, убедившись, что не стану орать, осторожно открывает дверь и выходит с поднятыми руками к собравшимся зрителям. Врачи сразу же укладывают насильно его на носилки, слышу по писклявым комментариям деканши:

– Осторожно! Не заденьте его голову обо что-нибудь!

И в этот самый момент в дверь что-то с силой ударяет и она по великой случайности заклинивает, а я остаюсь запертой в проклятом мужском туалете. Надеюсь, это была его голова! Вот так помогла по доброте душевной на свою голову.

4

Испробовав дверь на свое плечо, как обычно это делают во все тех же фильмах про полицейских, простые убеждения двери открыться и даже ключи от своей квартиры, потеряла всякую надежду на спасение из западни. Вот чертов Дмитриевич, чтоб ему на больничной койке икалось и голова отвалилась! Зареклась миллион раз больше никогда не помогать новому кадру, пусть хоть десять раз траванется мамантовыми конфетами! В следующий раз будет думать с кем гонять чай, а с кем не стоит. Слышу, как кто-то заходит в соседнюю кабинку, расстёгивает ширинку.

– Многоуважаемый! – пискляво бормочу я около стеночки, царапая потрескавшуюся краску, – Отпусти меня на волю! Пожалуйста.

– Конечно, – радостно говорит мужик за стенкой и бесстыдно через стенку от девушки справляет свою нужду, а потом спрашивает, – Довольна?

– Если я выберусь отсюда, то такое довольна тебе покажу, извращенец! – разъяренно кричу я, а потом слышу, как последняя надежда на спасение хлопнула дверью.

Неужели по объявлению набирают мужиков в наш университет?! Вскарабкалась на каблуках на фарфорового приятеля, извиняясь у него предварительно за столь неуважительное к нему отношение, на руках пытаюсь вскарабкаться по стен-

ке, но физкультура и я два разных понятия, поэтому только с двадцатого раза получается поднять свое тело на руках и взгромоздить на стену. В этот момент в кабинку входит преподаватель по психологии с соседней кафедры и смотрит на висящую меня на тонкой перегородке между двух туалетов с обалдевающими глазами.

– Помоги уже, что пялишься, в первый раз что ли женщину в мужском толчке увидел? – зло цежу я, ощущая, что еще мгновение и полечу вниз.

К счастью мужчина не растерялся и аккуратно подхватил меня за все выделяющиеся места, облапав их как следует, потом поставил на пол и самодовольно проговорил:

– Стесняюсь спросить, как вы сюда попали.

– Вот и стесняйся дальше, – гневно бросила я и с гордо поднятой головой продефилировала к входной двери, уже около нее сказала, – Спасибо за помощь.

В минуты опасности и вот такой задницы во мне просыпается маленькая злая ведьма ну или старая вредная бабка, готовая отмутызить окружающих костылем. В коридоре пришла в себя, хотя и провоняла неприятными запахами мужского туалета. Проклиная в очередной раз Димыча, взяла в гардеробе пальто и отправилась домой, обещая завтра отомстить за все произошедшее, если его выпустят из больницы, конечно.

Дома раз десять отмывалась от событий сегодняшнего дня, вещи перестирывала многократно, потом отдала пальто

в химчистку и принялась выбирать по каталогу свадебный торт. Мама прислала сотню сообщений во всех из доступных ей социальных сетях, чтоб я торопилась с выбором, иначе на свадебном торте нарисуют задницу верблюда. Достопочтенные гости со стороны жениха могут не понять юмора тещи, поэтому отправила ей фотографии тортов с красными розами и белоснежных, под стать празднику. Отправила жениху несколько ласковых сообщений, чтоб не расслаблялся и со спокойной совестью легла спать.

Проснулась в холодном поту. Снился мне самый отвратительный за всю мою жизнь кошмар. Свадьба. Ресторан. Сажу за обеденным столом, принимаю поздравления, выкатывают свадебный торт с изображением реально пятой точки верблюда, мама наигранно смеется истерическим граничащим с сумасшествием смехом, как это обычно бывает в фильмах ужасов, в руке у нее по классике жанра острый тесак. Я оглядываюсь на жениха, а там сидит с довольной ухмылочкой Димыч и говорит:

– Дорогая, угощайся тортиком!

А потом в довершение всего делает губки бантиком и тянется ко мне за поцелуем. ААААА!!!!!! До сих пор мурашки ужаса скачут, как блохи по шерсти собаки, по моей коже. Бегу в ванную умываюсь и щипаю себя все время на ходу. Это всего лишь сон, страшный, отвратительный сон, который больше мне никогда не приснится. Не приснится, повторяю себе, настраиваясь на позитивные мысли, чтоб не

вспоминать эти отвратительные губы и ухмылку. Бр, как забыть если сегодня воочию встречу с этим кошмаром! Звоню среди ночи жениху, который сладко спал до раздражающей тишину трели мобильного с моей аватаркой на экране, он недовольно мямлит:

– Аллё, аллоу, говорите, вас не слышно.

– Телефон переверни, – сухо кидаю я, повторяя в сотый раз алло.

– Солнышко! – радостно сияет Гришенька, – Ты чего в такую рань? Что-то случилось?

– Да, представляешь, мне приснился кошмар, – начинаю распинаться я минут на десять о своем горе и слышу смачный храп в трубку. Гришенька уснул под лучами солнышка. Досчитала до десяти, чтоб успокоить расшалившиеся нервы с приходом новых кадров в универ, пожелала сладких снов Гришеньке и сбросила звонок.

С четырех утра проводила терапию своих мыслей, проклинала Дмитриевича, когда пинала яростно подушку или прыгала со всей дури по кровати, представляя его обездвиженный труп на больничной койке. Выжатая как лимон, но умиротворенная, подобно коту налакавшемуся валерьянки, отправилась на любимую работushку.

5

Радовалась солнышку и чудесным лужицам под ногами ровно до того момента, пока какой-то козел на огромной черной машине не окатил меня с головы до ног грязной водой из вечного болота около универа. Стекая в прямом смысле на асфальт, стою и хватаю яростно воздух ртом, пытаюсь выследить глазами, кто посмел с такой скоростью зарулить на парковку университета. И что вы думаете? С самодовольной улыбкой из машины выходит новый кадр кафедры и направляется к парадному входу. Мало же ему приложились по голове вчера! Пальто в химчистке, теперь еще и моему белоснежному пуховику уготована такая же участь. Гневно залетаю в универ, показываю пропуск и направляюсь в женский туалет, со вчерашнего дня стала обходить мужские стороной. Отчистила куртку, повесила в раздевалке над батареей, которая еле-еле работала, отправилась на кафедру с мокрыми волосами и все больше ненавидящая Дмитриевича. Стоило подняться на этаж кафедры, слышу писклявое назидание кракена:

– Димочка, я так переживала за вас! Так переживала! Вы когда вчера вышли из туалета, у вас такая сильная черная пена пошла изо рта! Господи, куда же смотрят студенты, покупая эти проклятые конфеты!

Невольно хихикнула, представив бородатое чудовище с

черной пеной во рту от проглоченного активированного угля. Настроение немного улучшилось, значит, вчера не одна я пострадала. Так вам и надо Дмитриевич! Проигнорировав тошнотворную сцену с кракеном и новым коллегой, прошла в аудиторию, где уже собирались студенты третьего курса. Так как они были не специализированы на моем предмете и откровенно говоря профанами в практической части, я старалась не давать им лабораторных работ, а только лекции. Однажды их группа мне чуть кабинет не спалила из-за неверного использования аппаратуры, а так как универ беден на элементарные приборы, решила подстраховаться вот таким образом. Звенит звонок, проверяю посещаемость и уже открываю рот, чтоб озвучить тему лекции, как входит излучающий самодовольство новый кадр.

– Добрый день, уважаемые студенты. Сегодня эту пару у вас буду заменять я. Меня зовут Дмитрий Игоревич Васнецов, – сообщает, улыбаясь гад.

Мой невозмутимый взгляд проходит мимо жертвы. Ну заменяешь, так заменяй, подумала я и молча встала из-за преподавательского стола и направилась на галерку. Уже готовясь уснуть на руках под монотонное брюзжание плановой лекции, слышу вопрос подготовившегося основательно преподавателя:

– Что у вас сегодня по плану?

– Лабораторная! – выдает радостная студентка блондинка Наташка. Улыбка напрашивается само собой, но я терпеливо

давлю все порывы к триумфу. Сегодня непременно что-то взлетит на воздух. Вот бы это была самодовольная задница нового кадра!

– По какой теме, Марина, как вас там? – это он ко мне так обращается? Я не ослышалась?

– Игоревна, – сквозь зубы говорю я, потом продолжаю более спокойным голосом, – Исследование природных вод на содержание азотсодержащих групп.

– Отлично, разбиваемся на группы, – говорит радостно Димыч.

Ребята начинают метаться по аудитории, а у меня уже и пропало желание спать. Стало интересно, чем все закончится? Дмитриевич их разбивает на четыре группы, по четыре человека, просит найти в интернете методики и набрать воды из-под крана. Вот тут и начали события развиваться по знакомому сценарию. Наташа откровенно домогается нового препода, постоянно задавая глупые вопросы. Другие ребята судорожно пытаются разобраться в огромном количестве незнакомых слов, но делают умные лица и что-то смешивают. Когда дело подходит к работе с реактивом Грисса, необходимым для определения нитритов, студенты откупоривают бутылку и начинают кричать что кто-то сдох в этой самой бутылке лет так сто назад. Зловонный аромат распространяется по всей аудитории. Дмитриевич отрывается от игры в мобильнике и подлетает к студентам, открывшим ящик Пандоры. Один из них, перепугавшись за свой зачет по предме-

ту выливает содержимое бутыля в горшок с любимыми кракенскими геранями. Зловонный аромат распространяется по всей аудитории со скоростью света, Дмитриевич не отойдя до конца от вчерашних мамонтовых конфет начинает изгибаться в рвотных позовах. Уносится в лаборантскую приводить себя в порядок. Я требую включить ребят вытяжку и открыть окна. Слава богу это они умеют делать. Новый кадр возвращается через несколько минут в аудиторию с сине-зеленым лицом и зло смеряет меня взглядом, будто я виновата в его расхлябанности.

В итоге все приходит к тому, что у одной группы из плоскодонной колбы вылезает черный пористый гомункул, у другой начинается экспериментальная часть со стареньким фотоколиметром, жившим до сегодняшнего дня преспокойно в этой аудитории. Наташа наливает воду с реактивами прямо в подключенный к питанию прибор, когда появляется дым и характерное шипение в очередной раз обращается к преподавателю, чтоб тот помог. Кадр нехотя отрывается от своего мобиляника, в очередной раз играл в какую-то увлекательную игру и направляется к с его слов «изначально неисправному прибору». Тем не менее зачем-то берет в ящиках стола длинную отвертку с железной ручкой и начинает ковырять, подключенный к питанию, прибор. Фотоколиметр в последний раз издает шипящие, трескучие звуки и шандарахает током Димыча, вырубая к чертовой матери свет во всем универе. Вся группа подозрительно затихает, я начинаю громко

смеяться, а новый кадр не подает признаков жизни.

6

Когда раздаётся визг Наташки и кто-то из студентов включает похоронный марш на мобильнике, встаю со своего места и направляюсь к лежащему звездочкой Дмитриевичу, пинаю его ногой, но он не двигается. Словно почувствовав опасность новому кадру в аудиторию влетает Лариса Андреевна и начинает верещать сиреной:

– Димочка! Боже ты мой! Изверги! – это она обращается ко мне и студентам, полная уверенности, что мы заставили его лезть в прибор без заземления с железной палкой, подобно первобытному вандалу и не знающему простых истин о проводимости электрического тока металлами, – До чего вы довели нового молодого преподавателя! Все в мой кабинет по очереди, быстро!

Вылетает, как пробка из шампанского, наверняка по дороге в деканат уже собирая средства на похороны нового кадра. Я достаю из сумки зеркальце и подношу к носу пришибленного током коллеги, ни черта не видно. Наклоняюсь к его груди, чтоб послушать сердцебиение, но не слышно из-за неудобного положения. Приходится садиться сверху на гада и прислушиваться к грудной клетке, не смотря на отвращение и неудобство от соприкосновения с противным мне человеком, слышу отчетливое такое сердцебиение, отбивающее приличный ритм. Значит, живой, сделала заклю-

чение и попыталась слезть и отстраниться от несущего одних неприятности индивидуума. В следующую секунду руки этого вандала, оставившего без электричество весь универ и прикончившего мой старенький фотоколориметр, самонадеянно расположились на моей заднице. На губах снова заиграла довольная улыбка и Дмитриевич приоткрыл свои глаза, радостно ими сверкая в мою сторону. Невольно мой взгляд остановился на отсутствующих бровях мужчины и сожжённых ресницах. Фотоколориметр оказался тем еще бойцом, не давшись новому кадру без боя, принес, так сказать, значительный ущерб. Начинаю снова хохотать на всю аудиторию, сидя верхом на Дмитриевиче и видя его безбровое выражение лица – а ля покорителя женских сердец.

– Ты чего смеешься-то? – насторожился новый кадр, а я не обращая внимания на руки, которые совсем недавно приносили мне явный дискомфорт, продолжаю на нем сидеть и открываю зеркальце, являя собственное отражение мужчине. Дмитриевич внимательно всматривается в зеркало, скидывает молниеносно с моей задницы свои руки и начинает ощупывать лицо в том самом месте, где лишился волосяного покрова, осталась только борода и щетина. В следующий момент наступает законная за эти дни неприятность для меня, в аудиторию входит Гришенька и видит картину Репина – Приплыли. В два счета спрыгиваю с мужчины и оказываюсь около него уже на ногах. Дмитриевич задирает голову, лежа все также на полу, на вошедшего и присвистывает.

– Гриша, это не то, что ты подумал, – как по сценарию говорю я, стандартно-дежурную фразу. Только сама в нее сразу же не верю. Всегда в фильмах и книгах именно это предложение заставляет подумать именно о том, о чем не стоит. Новый кадр медленно поднимается с пола и кинув мне хитрый взгляд произносит моему жениху:

– Слушай, она у тебя прямо с цепи сорвалась, кидается на всех мужчин кафедры! Вчера в мужской туалет забралась и подглядывала, не знаю, не знаю. . . . Куда смотрел ректор при приеме на работу такой сотрудницы.

Глаза Гришеньки округляются до размера блюдца. Я машу отрицательно головой и кручу у виска, показывая жестами, что этот тип не в себе. Но все мои жесты со стороны напоминают какой-то немой спектакль идиотизму. Дмитриевич отчего-то останавливается около моего жениха, поравнявшись с ним ростом, потом поворачивается полубоком и посылает мне фразу в его репертуаре:

– Мариночка, – меня передергивает, – Я не против того, что ты мне обещала минуту назад!

И выходит. А я стою и хватаю ртом воздух от возмущения. Это что я ему могла пообещать минуту назад? Засунуть отвертку, которой он прикончил мой прибор в задницу? Напыщенный, самоуверенный гад! Вот и первый скандал, интриги и расследования примчали экстерном, так сказать. Гриша пытается совладать со всеми бушующими в нем эмоциями и выдает:

– Это что сейчас было?

– Я тебе все объясню, – быстро тараторю я, хватая под руку жениха и таща за собой в студенческую столовую. Что там говорится – путь к сердцу мужчины лежит через желудок? Надеюсь, у нас не получится также, как у кракена с новым кадром через больницу. Да и мне сейчас больше не сердце нужно, а именно мозг моего дорогого жениха. Подумав про сердце, отчего-то вспомнила громкое уханье в груди Дмитрия, снова ощутила подкатывающую неприязнь и выгнала его поганой метлой из моей головы, пока он там основательно не поселился. Приземлила насильно Гришеньку за стол в столовой, принесла ему кампотик, супчик горяченький и картофель с котлеткой. Он брезгливо окинул блюда взглядом, отодвинул от себя, не решаясь никакой частью своего дорогого костюма касаться стола и повторил вопрос. Ну не хочет по-хорошему через желудок, значит, будем брать крепость штурмом:

– Этот безбровый бородатый питекантроп пришел на мое место, но при этом всячески пакостит мне! Вот если бы ты ночью слушал меня, а не благополучно спал под мои рассказы, узнал бы обо всем гораздо раньше и не нервничал бы сейчас по пустякам! По его вине мое пальто сейчас в химчистке! Он взял и пришиб меня дверью, а потом запер в мужском туалете. А несколько минут назад спалил мой рабочий прибор, вырубив весь свет в универе!

Гриша вел себя адекватно на все мои рассказы, сейчас

переворачивая все события минувших двух дней, понимаю, что все, что произошло с нами похоже на какую-то дибильную недалекую выдумку, очень похожую на те, что говорят студенты не переписав вовремя лекции: «Я забыл тетрадь дома» или «Ее съела моя собака буквально сегодня утром» или «Меня переехал автобус, а тетрадь утонула при этом в луже» и тому подобное.

– Это правда, – пискнула я, а Гриша наклонился над столом, что удивительно даже не касаясь его пиджаком, словно в воздухе парил и проговорил:

– Я прошу тебя впредь держаться от этого типа подальше.

– Окей, – быстро согласилась я, для меня это превеликое удовольствие.

Возвращались мы домой вместе, Гриша решил дожидаться меня со второй последней пары и сегодня остаться у меня. Немного успокоив накипающую злость на гада Дмитриевича, смогла расслабиться. Мы по скайпу пообщались с его и моими родителями, моя мама удовлетворительно отозвалась про выбранные мной торты и заказала с красными розами. Мысленно облегченно выдохнула, вспомнив снявшейся накануне фильм ужасов, значит, все-таки того отвратительного торта не будет, и губ бабочек мерзкого типа.

Проснулась я, как всегда раньше Гриши, в пять утра. Быстро собралась и разбудила жениха. Наши отношения были скорее дружескими, никакой стремительно развивающейся любви или безумной страсти, про которую пишут книги и снимают мелодрамы. Мы жили, подобно семейным парам, прожившим в браке лет десять – обычные товарищеские отношения, но что радовало могли все решить разумным образом, без скандалов, битья посуды и прочей нервотреплющей чепухи. Его и меня это устраивало, что самое удивительное никогда не ревновала Гришку, потому что считала, стоит ему попросить о свободных отношениях, и мы можем себе даже это позволить. Возможно, для кого это дикость, но я считала это верхом совершенства.

Довольная жизнью несусь на работу. Осталось трудиться

восемнадцать дней, соответственно через этот срок я стану замужней женщиной, занимающейся всякой приятной чепухой. Часто возникал вопрос а не станет ли мне скучно, но мама всегда отвечала мне, что сначала можно найти себе интересное хобби – ходить на какую-нибудь йогу, потом начать вязать и не замечу, как появятся наши с Гришенькой дети, наверное, я солидарна с ней по этому вопросу. Она перешла через подобное, значит, знает лучше, что по мне так я работаю давно в университете, еще с момента моей учебы там в роли специалиста. Подрабатывала лаборантом, потом секретарем декана и вот, преподаватель с приличным стажем. В крайнем случае, если совсем надоест и хобби и детей не будет у нас с Гришей, я смогу устроиться и в школу и в другие вузы города. С детства мечтала быть учителем, а дослужилась до преподав, потому что считала в школе сложнее.

На входе в универ замечаю наглую морду Димыча, улыбается так противно и смотрит на меня, ждет что ли? Придерживаясь просьбы жениха не встречаться с ним более, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и стремительно направляюсь к запасному входу со стороны столовой. Съел, гад! Не испортишь мне сегодня настроения и не попьешь моей кровушки! Поднимаюсь на кафедру и снова вижу картину маслом – кракен охотится на новую добычу. Писклявый голос деканши заполняет коридоры:

– Димочка, вы живой! Надо же какое счастье!

Точно счастье, теперь придется всему преподавательско-

му составу кафедры возвращать по пять сотен. Кракен трогает за все части тела нового кадра, якобы чтоб удостовериться в том, что не мерещится ей. Про себя хмыкаю и прохожу мимо них. Сегодня первая пара у первачков, моих любимчиков. Если Димыч надумает и эту пару сорвать, то ему придется столкнуться с юным дарованием – Соловьевым. Да что уж врать, я тайно надеялась, что он придет заменить у меня это занятие.

Однако, мои предположения быстро рухнули, стоило на пороге появиться новому кадру и сообщить студентам:

– Доброе утро, я сегодня поприсутствую на паре, если вы не против, Марина, – он посмотрел на меня и снова с каким-то странным блеском проговорил, – Как вас?

– Игоревна, – фыркнула я недовольно, что за память девичья?

– Так вы не против? – снова заговорил он, странно что научился спрашивать разрешение, неужели в приборе напряжение тока было больше 220 вольт.

– Нет, – сухо проговорила я, потом смотря на Соловьева проговорила, – Знакомьтесь скоро этот человек будет вести у вас пары, Дмитрий Игоревич Васнецов.

– И что? – одними губами спросил студент, снова с выключенным мозгом. Захотелось, как в их многочисленных мемах ударить себя ладонью по голове. Пока Дмитриевич направлялся к последней парте первого ряда, я показывала на его спину указательным пальцем и смотрела требовательно

на Ромку. Не успела среагировать на мужчину, потому что была занята переглядками со студентом, кадр не лез в карман за словом и сразу же спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.